

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 15(2), 2026]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Исмаилзаде С. Д. Этнополитическая структура и региональное влияние Первого Болгарского царства / С. Д. Исмаилзаде // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 2. — С. 375—400. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-375-400.

Ismailzade S. J. (2026). Formation of Ethnopolitical Identity in Early Medieval Bulgaria. *Nauchnyi dialog*, 15 (2): 375-400. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-375-400. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Этнополитическая структура и региональное влияние Первого Болгарского царства

Исмаилзаде Саида Джафар гызы
orcid.org/0000-0002-2877-8944
доктор философии по истории, доцент,
кафедра всеобщей истории
saida.ismailzade@mail.ru

Гянджинский
государственный университет
(Гянджа, Азербайджан)

Formation of Ethnopolitical Identity in Early Medieval Bulgaria

Saida J. Ismailzade
orcid.org/0000-0002-2877-8944
Doctor of Philosophy in History,
Associate Professor,
Department of General History
saida.ismailzade@mail.ru

Ganja State University
(Ganja, Azerbaijan)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья вносит вклад в изучение военно-политической истории Болгарии. Цель исследования заключается в реконструкции этнополитической модели Дунайской Болгарии и выявлении механизмов формирования политической элиты, процессов этнической интеграции и роли болгаро-славянского союза в региональной консолидации Балканского пространства. Источниковую базу составляют византийские и восточнохристианские хроники, археологические материалы, а также труды болгарских, российских, турецких и западноевропейских исследователей. Используются сравнительно-исторический, источниковедческий, структурный и хронологический методы. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа механизмов взаимодействия тюркской протоболгарской правящей элиты и славянского населения, интеграция которых стала основой формирования устойчивой модели раннегосударственной организации и надэтнической политической идентичности. В результате исследования установлено, что тюркская правящая элита выполняла функцию интеграционного ядра, обеспечив формирование эффективной системы власти и создав предпосылки для постепенной славянизации и трансформации этнополитической структуры государства. Научная новизна работы состоит в интерпретации Первого Болгарского царства как многоуровневой этнополитической системы, анализируемой с учётом различных историографических традиций и сопоставления письменных источников.

Ключевые слова:

Первое Болгарское царство; этнополитика; болгаро-славянские отношения; правящая элита; этническая интеграция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article contributes to the study of military-political history in Bulgaria by reconstructing the ethno-political model of Danubian Bulgaria and identifying mechanisms for forming political elites, processes of ethnic integration, as well as the role of the Bulgarian-Slavic alliance in regional consolidation on the Balkan Peninsula. Source materials include Byzantine and Eastern Christian chronicles, archaeological findings, and works by Bulgarian, Russian, Turkish, and Western European scholars. Comparative-historical, source-critical, structural, and chronological methods are employed. The relevance of this research lies in its necessity for a comprehensive analysis of interaction between Turkic proto-Bulgarian ruling elite and Slavic populations whose integration formed the basis for stable early state organization and supra-ethnic political identity. It is demonstrated that the Turkic ruling class functioned as an integrative core, establishing effective governance systems and creating conditions for gradual Slavization and transformation of the state's ethno-political structure. The scientific novelty of this work consists in interpreting First Bulgarian Empire as a multi-level ethno-political system analyzed with consideration given to diverse historiographical traditions and comparison of written sources.

Key words:

The First Bulgarian Empire; ethno-politics; Bulgarian-Slavic relations; ruling elite; ethnic integration.

УДК 94(497.2)“681/1018”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-2-375-400

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Этнополитическая структура и региональное влияние Первого Болгарского царства

© Исмаилзаде Саида Джафар гызы, 2026

1. Введение = Introduction

В раннем Средневековье Юго-Восточная Европа представляла собой пространство интенсивных политических и этнических трансформаций, находившееся в зоне пересечения интересов крупных держав и кочевых объединений, прежде всего Византийской империи и Хазарского каганата. Процессы миграции, военного противостояния и межэтнического взаимодействия, разворачивавшиеся в регионе в VII—XI веках, существенно повлияли на формирование новых политических структур и моделей раннегосударственной организации. В этом контексте становление и развитие Первого Болгарского царства выступает одним из ключевых факторов трансформации этнополитического пространства Балкан.

Особенностью Болгарского государства являлось сочетание военно-политического доминирования правящей элиты и сложной многоэтнической структуры населения, сформировавшейся в результате длительного взаимодействия протоболгар тюркского происхождения со славянскими племенами и другими региональными группами. Болгарская элита, опиравшаяся на кочевые традиции власти и военной организации, была вынуждена адаптировать эти институты к условиям оседлого многоэтнического общества, разрабатывая механизмы интеграции, перераспределения власти и согласования интересов различных этнических компонентов. Данные процессы определяли не только внутреннюю устойчивость государства, но и его место в системе международных отношений средневековой Европы.

В историографии XIX—XX веков исследовательский интерес был сосредоточен преимущественно на военно-политической истории Болгарии, её противостоянии с Византией, дипломатических стратегиях болгарских

правителей и территориальной экспансии. Значительное внимание уделялось деятельности Аспаруха, Крума, Омуртага и Симеона I, однако этнополитическое измерение болгарской государственности — структура власти, формы интеграции славянского населения, трансформация правящей элиты — рассматривалось фрагментарно и, как правило, вне рамок целостного анализа.

Современная историография представлена рядом конкурирующих подходов к проблеме происхождения болгар и определению характера болгаро-славянского союза. Одни исследователи акцентируют внимание на тюркском происхождении правящей элиты и её роли в формировании государственной традиции, другие подчёркивают доминирующее значение славянского элемента в развитии культуры, языка и христианской идентичности. При этом комплексные исследования, рассматривающие Первое Болгарское царство как многоэтническую этнополитическую систему с внутренней динамикой власти и интеграции, по-прежнему остаются ограниченными, что обуславливает актуальность настоящего исследования.

Актуальность настоящего исследования определяется тем, что процесс формирования и укрепления Первого Болгарского царства во многом предопределил конфигурацию этнополитического пространства не только собственно болгарских земель, но и всего Балканского региона. Именно в рамках данного государственного образования сложились долговременные направления славянизации и христианизации, сформировались устойчивые модели сосуществования и взаимодействия тюркского и славянского населения, а также были заложены основы государственности, оказавшие влияние на формирование идентичности последующих балканских народов.

Средневековые нарративные источники фиксируют не только военные успехи болгарских правителей, но и способность правящей элиты мобилизовать различные социальные и этнические группы и использовать межэтнические ресурсы в целях укрепления власти. Так, якобитский патриарх Михаил Сириец, описывая события 811 года, подчёркивает масштаб мобилизации населения Болгарии и отмечает, что хан Крум «собрал большое войско, вооружив не только мужчин, но и женщин и крестьян, и устроил засады в горных проходах, уничтожив отступающее византийское войско; сам император Никифор был убит» [Michel le Syrien, 1901]. Схожая картина представлена и в византийской традиции: патриарх Никифор акцентирует внимание на полном разгроме византийской армии и символическом использовании Крумом черепа императора в качестве трофеейной

чаши, что подчёркивает не только военный, но и идеологический аспект победы [Nikephoros, 1990].

Вместе с тем целый ряд ключевых вопросов, связанных с культурной ассимиляцией протоболгар в среде местного населения, трансформацией правящей элиты и её адаптацией к оседлому образу жизни, а также эволюцией этнической структуры в условиях постепенной славянизации, остаётся дискуссионным. Недостаточно изучены механизмы включения славянских племён в систему власти, степень сохранения ими политической и социальной автономии, а также особенности сосуществования различных правовых и культурных традиций внутри Болгарского царства. Указанные обстоятельства обуславливают необходимость обращения к этнополитическому измерению истории Болгарии и требуют уточнения роли болгаро-славянского союза в процессах региональной консолидации.

Научная проблема настоящего исследования заключается в том, что при наличии обширной историографии по военно-политической истории Болгарии сравнительно немного работ, в которых Первое Болгарское царство рассматривалось бы как целостная этнополитическая система с внутренней динамикой власти и интеграции. Недостаточно задействован потенциал сопоставительного анализа письменных источников и современной научной литературы для реконструкции механизмов межэтнического взаимодействия, перераспределения власти и культурной трансмиссии в болгарском обществе. Восполнение данного исследовательского пробела и составляет основное содержание предлагаемой работы.

Объектом исследования выступает Первое Болгарское царство как раннесредневековое государственное образование на Балканах. Предметом исследования являются этнополитические механизмы его формирования, структура взаимоотношений между тюркоязычной болгарской правящей элитой, славянским населением и другими этническими группами, а также влияние этих процессов на региональную систему власти и культурную конфигурацию Юго-Восточной Европы.

Основная цель статьи заключается в комплексном анализе этнополитической роли Первого Болгарского царства в формировании и трансформации политического пространства Балканского региона в раннем Средневековье. Для достижения поставленной цели в работе предполагается решение следующих исследовательских задач:

— охарактеризовать этнополитическую ситуацию в Юго-Восточной Европе в период становления Болгарского государства;

- проследить миграционные процессы тюркских племён и формы их политической организации на пути к Дунайскому рубежу;
- выявить роль славянского населения в системе власти и механизмах этнополитической интеграции Болгарского царства;
- проанализировать трансформацию правящей элиты в контексте внешнеполитических взаимодействий с Византией и соседними державами;
- реконструировать этническую структуру Болгарского царства на основе данных письменных источников и современных историографических исследований.

Научная новизна работы состоит в интерпретации Первого Болгарского царства как многоуровневой этнополитической системы, в рамках которой тюркоязычная правящая элита выступала не только в качестве военной и административной силы, но и как интеграционное ядро, обеспечившее включение славянского населения в общегосударственные структуры. Комплексный подход, основанный на сопоставлении византийских и восточнохристианских нарративных источников с выводами современной болгарской, российской, турецкой и западноевропейской историографии, позволяет уточнить характер межэтнических взаимодействий и по-новому оценить вклад Болгарского царства в формирование историко-культурного пространства Юго-Восточной Европы.

2. Материалы, методы = **Methods & Material**

Материальной основой исследования является корпус письменных источников VIII—XI веков, прежде всего византийские и восточнохристианские хроники, отражающие как внутренние процессы в Болгарском царстве, так и его взаимодействие с соседними государствами. Ключевое место среди них занимает «Краткая история» патриарха Никифора, в которой подробно освещаются события правления императора Никифора I и его противостояние с ханом Крумом, включая поход 81 года и разгром византийской армии в горных проходах [Nikephoros, 1990, p. 146—147]. Существенным нарративным источником является также «Хронография» Феофана Исповедника, фиксирующая ход византийско-болгарских войн и особенности политического взаимодействия империи с северными соседями [Theophanes, the Confessor, 1997, с. 495—496]. Дополнительные сведения о масштабах и восприятии болгарской экспансии содержатся в хронике якобитского патриарха Михаила Сирийца, который подчёркивает мобилизацию различных социальных слоёв болгарского общества, включая женщин и крестьян, в критические периоды противостояния с Византией

[Michel le Syrien, 1901, t. II]. Наряду с византийскими и сирийскими источниками в работе привлекаются данные других средневековых свидетельств и компиляций, позволяющие уточнить этнический состав болгарского населения, ареалы расселения и характер взаимодействия болгар с соседними кочевыми и оседлыми народами.

Методологическую основу исследования составляет комплексный подход, сочетающий источниковедческий, сравнительно-исторический и структурный методы анализа. Источниковедческий анализ направлен на выявление специфики византийской и восточнохристианской традиции, а также на оценку степени их идеологической обусловленности и возможной предвзятости при описании болгарских правителей и военных конфликтов. Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления свидетельств различных авторов о ключевых событиях (формирование Болгарского государства на Дунае, правление Крума, укрепление Болгарского царства в эпоху Симеона I), а также для сравнения болгарской модели государственности с другими раннесредневековыми формами политической организации. Структурный подход позволяет рассматривать Первое Болгарское царство как целостную этнополитическую систему, в рамках которой взаимодействуют тюркоязычная правящая элита, славянское большинство и другие этнические группы региона.

Обзор современной научной литературы опирается на труды болгарской, российской, турецкой и западноевропейской историографии, в рамках которых проблема становления Болгарского государства рассматривается с различных методологических и концептуальных позиций. Фундаментальное значение для анализа политической эволюции Болгарии сохраняют исследования В. Н. Златарского, проследившего путь от хунно-болгарского компонента к формированию Дунайской Болгарии и её превращению в одно из ведущих православных государств региона [Златарски, 1970, с. 319—320]. Подход Златарского, основанный на сочетании письменных источников и историко-политической реконструкции, заложил основу для последующих интерпретаций болгарской государственности.

Классическим трудом западноевропейской историографии остаётся монография С. Рансимена, посвящённая политической истории Первого Болгарского царства и его противостоянию с Византией. Вместе с тем используемая Рансименом терминология и его концепция «болгарской империи» отражают уровень историографического знания первой трети XX века и требуют критического переосмысления с учётом более поздних

исследований, уточнивших статус и характер болгарской государственности [Runciman, 1930, с. 147—149].

Существенный вклад в изучение происхождения и ранней истории болгар внесли работы А. Рона-Таша, акцентирующего внимание на связях протоболгар с гуннскими и другими кочевыми объединениями, а также на проблеме локализации державы Кубрата [Róna-Tas, 2000, p. 1—22]. Его исследования позволяют рассматривать болгарскую государственность в широком контексте евразийских степных империй и миграционных процессов раннего Средневековья.

Турецкая историография представлена трудами С. Ахметбеёглу, посвящёнными анализу «Списка болгарских ханов» и выявлению тюркского характера правящей династии Болгарии [Ahmetbeyoğlu, 1994, с. 2; Ahmetbeyoğlu, 2007, S. 36—42], а также исследованиями О. Каратая, рассматривающего болгар в контексте тюркской этногенетической традиции и миграционных процессов раннего Средневековья [Karatay, 2013, p. 259]. Эти работы подчёркивают преемственность политических и культурных элементов болгарской элиты по отношению к более ранним степным образованиям.

Среди российских и западных исследователей, анализировавших проблематику степных народов и балканской политики, следует отметить труды Д. Данлопа, посвящённые хазаро-болгарским и более широким степным взаимодействиям Восточной Европы [Dunlop, 1954, p. 113—114], а также исследования по византийской истории, в которых Болгария рассматривается как один из ключевых факторов трансформации политической карты региона [Ostrogorsky, 1969].

Таким образом, привлекаемые материалы и методы ориентированы на соединение анализа нарративных источников с достижениями современной историографии, что позволяет рассматривать Первое Болгарское царство не только в контексте политической истории, но и как сложную этнополитическую систему, в рамках которой тюркоязычная элита и славянское население формировали общую модель государственности и идентичности Балканского региона в раннем Средневековье.

3. Результаты и обсуждение = Results and discussion

3.1. Этнополитическая роль Первого Болгарского царства в формировании региональной структуры Юго-Восточной Европы

Результаты анализа раннего этапа болгарской истории свидетельствуют о том, что после распада Западно-Гуннского государства болгары не утратили политической субъектности, а, напротив, сумели сохранить эле-

менты государственно-династической преемственности. Под предводительством Ирнека, младшего сына Атилы, болгарские объединения вновь заявили о себе как самостоятельный политический фактор. Исследование Али Ахметбеёглу, посвящённое «Списку ханов болгар» (*Hakanlar Listesi*), показывает, что фиксация продолжительности правлений через двенадцатилетний цикл тюркской системы летоисчисления отражает устойчивое следование древнетюркской традиции власти и подчёркивает преемственность болгарской правящей династии по отношению к гуннскому политическому наследию [Ahmetbeyoğlu, 1994, с. 2]. Данный факт подтверждает тюркское происхождение правящей элиты и сохранение ею культурно-политической идентичности в процессе миграций.

Одновременно другая часть болгарских племён в VII веке сформировала государство в северокавказском и причерноморском регионе, тесно связанное с именем хана Кубрата. По данным Али Ахметбеёглу, первоначальное ядро Великой Болгарии располагалось на Северном Кавказе, однако в дальнейшем её влияние распространилось на территории бассейнов Дона и Днепра [Ahmetbeyoğlu, 2007, с. 36—38].

После смерти Кубрата в период между 650 и 665 годами государство вступило в фазу дезинтеграции. Отсутствие сильного централизующего преемника и разделение власти между его сыновьями привели к распаду политического единства и дальнейшим миграциям болгарского населения [Ahmetbeyoğlu, 2007]. Византийская традиция подробно фиксирует данный процесс: патриарх Никифор сообщает, что Кубрат завещал своим сыновьям сохранять единство, однако они нарушили этот завет. Старший сын Батбаян остался на родной земле, Котраг пересёк Дон, другие братья направились в Паннонию и Италию, тогда как Аспарух, достигнув нижнего Дуная, основал новое политическое ядро [Nikephoros, 1990, с. 145].

Переселение Аспаруха и формирование Дунайской Болгарии стали ключевым этапом трансформации болгарской государственности. Новое государство возникло в зоне постоянного соперничества между Византией и кочевыми объединениями, что потребовало адаптации традиционных тюркских механизмов власти к балканским условиям. Именно эта государственная модель стала основой последующего развития болгарской государственности и этнополитической идентичности региона.

Схожие сведения о распаде Великой Болгарии приводит и Феофан Исповедник в своей «Хронографии». Он подчёркивает, что Кубрат «настоятельно советовал своим сыновьям не разделяться и не становиться под власть чужеземцев», однако вскоре после его смерти политическое единство было утрачено: «Старший Батбаян остался на родной земле, Ко-

траг пересёк Дон, один из братьев ушёл к Дунаю, другой — в Паннонию, один — в Пентаполь, а Аспарух, достигнув местности, называемой Онгос, укрепился там» [Theophanes, the Confessor, 1997, с. 466—467]. Отсутствие в источниках сведений о длительных и устойчивых правлениях сыновей Кубрата свидетельствует о том, что между его смертью и окончательным распадом Великой Болгарии прошло сравнительно немного времени, а сама политическая структура государства отличалась высокой степенью нестабильности. В историографии обоснованно высказывается мнение о смерти Кубрата около 665 года, что согласуется с хронологией последующих миграций булгар.

Сопоставление данных тюркологических реконструкций (О. Каратай, А. Ахметбеёглу, с. Г. Кляшторный, А. Караев) с выводами болгарской и российской медиевистики позволяет уточнить характер раннеболгарской государственности. Классический труд В. Н. Златарского показывает, что распад Великой Болгарии и переселение части булгар на Дунай были не только следствием династического кризиса, но и этапом более длительного процесса этнополитической консолидации прабулгар и славян на Балканах [Златарски, 1970, с. 319—320]. Д. Ангелов, анализируя формирование болгарской народности, связывает роль Дунайской Болгарии с возникновением нового типа этнополитического организма, в рамках которого тюркская правящая элита и славянское большинство образовали устойчивую общественно-политическую систему [Ангелов, 1971]. Просопографические исследования Й. Андреева подчёркивают преемственность власти от Кубрата к Аспаруху и адаптацию ханской власти к балканскому пространству [Андреев, 1988], тогда как работы Г. Г. Литаврина по истории византийско-болгарских отношений демонстрируют, что уже в VIII—IX веках Болгария выступала как самостоятельный центр силы, сопоставимый с Византией и другими участниками региональной политической системы [Литаврин, 1960, с. 431—437].

В совокупности эти данные позволяют рассматривать Первое Болгарское царство не как случайный продукт распада кочевой державы, а как результат осознанной стратегии переноса и сохранения тюркской политической традиции в новой геополитической зоне, ставшей одним из ключевых факторов формирования этнополитической конфигурации Юго-Восточной Европы [Runciman, 1930, с. 35—41].

3.2. Роль болгарских ханов в развитии Первого Болгарского царства

Результаты исследования показывают, что роль болгарских ханов в период становления и укрепления Первого Болгарского царства но-

сила не только персональный, но и институциональный характер. Личность правителя, структура правящей династии и механизмы передачи власти определяли устойчивость раннеболгарской государственности и специфику её этнополитического развития. Центральным источником для реконструкции хронологии и продолжительности правлений болгарских ханов остаётся «Именник болгарских ханов», который, несмотря на фрагментарность и текстологические сложности, отражает важные элементы тюркской политической традиции [Златарски, 1970, с. 319—320].

Анализ данных Именника выявляет существенные расхождения в сведениях о длительности правлений отдельных ханов, прежде всего Аспаруха. Указание на 61 год его правления трудно согласуется с датой смерти Аспаруха (701 год), предполагаемым временем кончины Кубрата и хронологией правления византийского императора Констанса II (641—668).

С учётом кочевых традиций власти представляется обоснованным предположение, что Аспарух ещё при жизни Кубрата мог командовать самостоятельным военным контингентом и выступать как автономный политический актор. В данном контексте 61 год «правления» Аспаруха может интерпретироваться как символическое обозначение длительности его политической и военной деятельности, начиная с периода возможного вступления в командование войском в 620—630-е годы и завершая его смертью в начале VIII века. Такой подход согласуется с выводами болгарских исследователей, рассматривающих деятельность Аспаруха как процесс постепенного превращения военного лидера в основателя новой династической линии на Дунае [Андреев, 1988, с. 62—72].

Современная историография предлагает различные интерпретации маршрута и характера миграции болгар к Дунайскому рубежу. Часть исследователей допускает временную остановку болгарских групп в Буджаке перед окончательным закреплением в нижнедунайском регионе, тогда как другие подчёркивают почти непосредственный выход болгар в дунайскую зону. В хазарских источниках и в хронике сирийского патриарха Михаила болгары описываются как крупное политическое объединение, вытесненное хазарами из прежних владений и отступившее в сторону Дуная. Эти свидетельства имеют принципиальное значение для реконструкции военной стратегии Аспаруха и его окружения, поскольку указывают на организованный, а не стихийный характер переселения.

Болгарская историография, прежде всего труды В. Н. Златарского и Д. Ангелова, интерпретирует данные источников как подтверждение того, что миграция болгар носила целенаправленный стратегический характер и была связана с попыткой закрепиться в регионе, где можно было эффективно использовать противоречия между Византией и кочевыми объединениями степи [Златарски, 1970, с. 319—320; Ангелов, 1971, с. 196—242]. Такой подход позволяет рассматривать переселение не как бегство от хазарского давления, а как осознанный выбор геополитического пространства.

Армянские географические сочинения, а также византийские и восточные хроники фиксируют столкновения болгар с аварами и хазарами на пути к Дунаю, подчёркивая сложный и многосторонний характер степной политики VII века. Особое значение в этом контексте имела борьба с аварами, победы над которыми способствовали укреплению позиций болгар и расширению их политического влияния в византийском направлении. Военные успехи болгар под руководством Аспаруха в конце 670-х годов стали поворотным моментом в процессе институционализации новой государственности. После прибытия болгар в район Буджака в 679 году и серии успешных походов против византийских войск империя была вынуждена признать существование болгарского политического образования. Заключение договора, сопровождавшееся выплатой дани, закрепило этнополитический статус Болгарии и стало одним из ранних примеров международно-правового признания новой силы Константинополем [Ангелов, 1971, с. 196—242; Литаврин, 1960, с. 431—437].

В дальнейшем болгары окончательно обосновались южнее Дуная, основали столицу в Плиске и сформировали устойчивое государство, непосредственно граничившее с византийскими владениями. Тем самым роль ранних болгарских ханов — от Кубрата до Аспаруха — проявилась не только в военных победах, но и в способности использовать кризисы степных и имперских структур для создания самостоятельного центра силы на Балканах. В этом контексте фигура Аспаруха предстает не просто как военачальник, покинувший зону хазарского влияния, но как архитектор новой политической конфигурации, в рамках которой тюркская правящая традиция была перенесена в иное геополитическое пространство и адаптирована к условиям дунайского пограничья [Андреев, 1988, с. 62—72; Литаврин, 1960].

Несмотря на фрагментарность источников, данные византийской традиции позволяют реконструировать ключевые политические эпизоды эпо-

хи Аспаруха. Известно, что во время правления императора Юстиниана II Византия разорвала договор с болгарами и прекратила выплату дани, что привело к резкому обострению отношений. Однако болгары сумели нанести византийскому войску сокрушительное поражение, устроив засаду в горном проходе во время его возвращения из похода на Фессалоники. Этот эпизод окончательно закрепил болгарское присутствие в нижнедунайском регионе и показал, что Болгария стала долговременным фактором политической географии Балкан.

Таким образом, сопоставление сведений «Именника болгарских ханов», византийских и восточных хроник с болгарскими и российскими историографическими реконструкциями показывает, что роль ранних болгарских ханов значительно шире простой династической хроники. Аспарух и его ближайшие предшественники выступают как ключевые агенты трансформации кочевого политического наследия в устойчивую территориальную государственность на Балканах. Современные исследования подчёркивают стратегический характер выбора дунайского региона, использование противоречий между Византией, аварами и хазарами, а также институционализацию власти через договоры и систему дани [Златарски, 1970, с. 319—320; Ангелов, 1971, с. 196—242]. Это позволяет трактовать Первое Болгарское царство как результат целенаправленной династической политики, а не как случайный продукт распада степных объединений.

3.3. Внутренние потрясения и дипломатическое маневрирование в эпоху нестабильности

Дальнейшее развитие Первого Болгарского царства происходило в условиях усложнения внешнеполитической обстановки и нарастания внутренних противоречий. После периода относительной стабилизации, связанного с деятельностью Аспаруха и Тервела, Болгария вступила в фазу политической нестабильности, обусловленной борьбой за власть внутри правящей элиты и активным вмешательством Византии.

Правление Винека (756—761) в историографии рассматривается как показатель данного кризиса. Усиление борьбы за власть и обострение противоречий среди знати привели к ослаблению центральной власти и росту зависимости от внешнеполитических факторов. Византия стремилась использовать внутривосточную нестабильность Болгарии, поддерживая выгодные ей группировки и усиливая своё влияние на болгарскую элиту. Болгарская и российская медиевистика подчёркивают, что именно в этот период проявилась необходимость трансформации ханской власти из преимущественно военного института в более устойчивую политическую

структуру, способную обеспечивать преемственность и внутреннюю консолидацию государства.

Правление Телца (761—764) стало попыткой восстановления ослабленного болгарского авторитета в условиях внутривосточного кризиса. Происходивший из влиятельного рода Угайн, Телец сделал ставку на активную внешнюю политику и военное давление на Византию, стремясь компенсировать внутреннюю нестабильность внешними успехами. Однако поражение, нанесённое болгарам императором Константином V, а также казнь многочисленных пленников в Константинополе не только подорвали престиж правителя, но и резко усилили недовольство среди болгарской знати. В болгарской и российской византиноведческой историографии данный эпизод рассматривается как наглядное свидетельство того, что наступательная стратегия в условиях отсутствия внутреннего консенсуса приводила к углублению кризиса легитимности и ускоряла смену власти.

Краткое правление Савина (764), зятя Кормисоша и представителя прежней династической линии, было связано с попыткой стабилизации ситуации посредством мирного урегулирования отношений с Византией. Однако отсутствие согласия внутри элиты привело к тому, что мирные инициативы были восприняты значительной частью знати как признак слабости и уступок империи. В результате Савин был свергнут и вынужден искать убежища на византийской территории. Данный эпизод демонстрирует, что в условиях неустойчивой политической системы даже дипломатический курс мог восприниматься как угроза традиционной модели власти и статусу правящей группы.

В последующий период власть перешла к правителю, который в источниках характеризуется противоречиво: патриарх Никифор называет его «язычником», тогда как Феофан Исповедник упоминает его под именем Баян. Независимо от идентификации, данный хан также предпринял попытку нормализации отношений с Византией, однако внезапное византийское нападение лишило Болгарию шанса на краткосрочную стабилизацию. Византийские хронисты интерпретировали эти события как проявление слабости болгарских правителей, тогда как современная историография подчёркивает их структурный характер, связывая кризис с конкуренцией родовых группировок и отсутствием институционализированных механизмов преемственности власти.

Правление Телерига (ок. 768—777) стало попыткой активного противодействия византийскому вмешательству. Согласно хроникам, он сумел разоблачить византийскую агентурную сеть, выманив у императора

сведения о шпионах и казнив их. Этот шаг привёл к резкому обострению отношений с Константинополем, но одновременно укрепил позиции Телерига внутри Болгарии. Однако после смерти Константина V хан оказался лишён прежнего политического контекста и был вынужден искать убежища в Византии, где принял христианство и вошёл в византийскую аристократию. Данный эпизод наглядно иллюстрирует степень взаимопроникновения элит двух государств и показывает, как судьба болгарских правителей могла становиться элементом византийской политической стратегии.

Кардам (после 777 — до 802), пришедший к власти после Телерига, сосредоточился на стабилизации внутренней ситуации и укреплении обороноспособности государства. В 791 году он избежал решающего сражения с византийскими войсками в Македонии, применив тактику выжидания и вынудив противника отступить. В 792 году Кардам нанёс византийцам поражение и потребовал восстановления выплаты дани, что свидетельствует о восстановлении болгарских переговорных позиций. Параллельно он начал экспансию в северные районы, воспользовавшись распадом Аварского каганата. В этом контексте уточнение А. Рона-Таша о локализации ядра державы Кубрата преимущественно в бассейне Днепра позволяет точнее оценить территориальное и политическое наследие, с которым пришлось иметь дело правителям конца VIII — начала IX веков, прежде всего в вопросах контроля над Придунайскими землями [Róna-Tas, 2000, p. 11].

В 796 году, столкнувшись с новой угрозой со стороны императора Константина VI, Кардам вновь избежал открытого столкновения и тактически вынудил византийские войска отступить. В болгарской и российской историографии этот период рассматривается как переход от затяжной политической нестабильности к относительной консолидации, создавшей предпосылки для реформ Крума и дальнейшей централизации власти.

Правление Крума (с 802 года) открыло новый этап в истории Болгарии, связанный с институциональными реформами, территориальной экспансией и формированием правовой системы, что будет рассмотрено в следующем разделе. Наивысшего политического и культурного расцвета Болгария достигла при Симеоне I (893—927). Победа над венграми в 895 году и последующее принуждение Византии к выплате дани позволили Симеону сосредоточиться на внутреннем укреплении государства и культурной политике. Превратив Преслав в центр славянской письменности и богословия, он способствовал формированию Болгарии как альтернативного

центра православного мира. Как подчёркивают болгарская и западноевропейская историография, Симеон воспринимал себя не просто как болгарского правителя, но как «царя болгар и ромеев», фактически претендуя на византийское политическое и символическое наследие [Златарски, 1970, с. 319—320; Runciman, 1930, с. 147—149].

Таким образом, сопоставление данных византийских хроник с реконструкциями болгарской и российской медиевистики позволяет заключить, что внутренняя нестабильность и дипломатическое маневрирование представляли собой не случайную череду кризисов, а механизм адаптации раннеболгарской государственности к изменяющемуся политическому пространству Балкан. В динамике от Винека и Телца к Кардаму и Круму прослеживается постепенный переход от ситуативных реакций на внешнее давление к более последовательной стратегии, основанной на сочетании военной силы и договорной практики. Эксперименты с различными моделями поведения — от конфронтационного курса до попыток мирного урегулирования — привели к формированию политической линии, в которой дипломатия с Византией, управление родовой знатью и контроль приграничных территорий стали взаимосвязанными элементами единой стратегии [Златарски, 1970, с. 319—320; Ангелов, 1971, с. 196—242; Литаврин, 1960, с. 431—437; Runciman, 1930, с. 147—149]. Следовательно, эпоха «внутренних потрясений» может быть интерпретирована не только как период ослабления, но и как фаза институционального созревания Первого Болгарского царства, подготовившая почву для системных преобразований при Круме и последующего подъёма в эпоху Симеона.

3.4. Реформы Крума и территориальная экспансия

С восшествием на престол в 802 году хан Крум инициировал курс на территориальную экспансию и внутреннюю консолидацию власти. Одним из ключевых направлений его политики стала ликвидация остаточных структур Аварского каганата, что позволило Болгарии расширить северо-западные границы и укрепить контроль над районами Среднего Дуная. Расширение территории увеличило стратегическую глубину государства и существенно расширило ресурсную базу, создав предпосылки для формирования более устойчивой системы пограничной обороны и административного контроля над новыми землями.

Параллельно Крум расширял влияние на запад и юго-запад, усиливая позиции Болгарии во Фракии, Мёзии и части Македонии. Его кампании против Византии в начале IX века носили системный характер: они были направлены не только на захват территорий, но и на подрыв византийской военной и хозяйственной инфраструктуры в приграничных зонах. В бол-

гарской и российской историографии подчёркивается, что при Круме Болгария окончательно превращается в один из ключевых факторов балканской политики, а военные успехи создают базу для последующих конфессиональных и культурных преобразований при Борисе I и Симеоне I [Златарски, 1970, с. 319—320].

Кульминацией раннего этапа противостояния стала кампания 811 года Император Никифор I, вторгшись в болгарские земли и разорив Плиску, при отходе оказался в крайне уязвимом положении. Византийская армия была окружена в горных проходах и подверглась разгрому; сам император погиб. Феофан Исповедник фиксирует данный эпизод как одно из наиболее тяжёлых поражений Византии в войнах с Болгарией и отмечает, что череп Никифора был превращён в трофейную чашу, ставшую устойчивым символом победы [Theophanes, the Confessor, 1997, с. 495—496]. Указанное событие резко усилило политический авторитет Крума и оказало долговременное психологическое воздействие на византийскую элиту, изменив баланс сил на Балканах.

После военных успехов Крум приступил к реформам, направленным на укрепление центральной власти и этнополитическую консолидацию многоэтничного населения. В историографии отмечается, что при нём усиливается централизованное управление войском и формируются более устойчивые механизмы мобилизации ресурсов. Существенным элементом институционального строительства стала кодификация правовых норм: в источниках фиксируются законы, регулирующие вопросы собственности, наказания за кражи и ложные доносы, меры по обеспечению безопасности путников и защите социально уязвимых групп. Принципиально важно, что данные нормы были ориентированы на ограничение злоупотреблений со стороны местной знати и усиление роли верховной власти как арбитра в конфликтах между общинами и родовыми группами [Златарски, 1970, с. 319—320].

Правовые меры сопровождалась политикой дисциплины и контроля: в историографической традиции Крум нередко описывается как правитель, стремившийся соединить жёсткость наказаний с обеспечением порядка и безопасности. Параллельно укреплялась оборонительная инфраструктура на западных и южных рубежах: расширялись фортификационные линии, создавались опорные пункты и системы снабжения, что повышало управляемость периферийных территорий и устойчивость государства перед внешним давлением.

Дипломатическая линия Крума охватывала как степные политические силы, так и контакты с франками и группами, связанными с быв-

шей аварской знатью, а также отдельные каналы взаимодействия внутри византийского политического пространства. Это расширяло возможности Болгарии маневрировать между центрами силы и использовать их противоречия в собственных интересах. В результате сочетание военных побед, правовой унификации и гибкой дипломатии превратило Болгарию времён Крума в одно из наиболее влиятельных государств региона и создало предпосылки для дальнейшей этнополитической интеграции, а также для усиления славянского и христианского компонентов при его преемниках.

Таким образом, сопоставление сведений византийских хроник о походах Крума с данными болгарской и российской историографии показывает, что его деятельность выходит за рамки образа исключительно военного лидера. Военные кампании против Византии и ликвидация Аварского каганата были частью более широкой стратегии, в которой территориальная экспансия сочеталась с институциональным строительством и правовой унификацией [Там же]. Реформы Крума можно интерпретировать как попытку адаптировать степную модель власти к формату раннефеодальной монархии с более чётким административным центром, контролем над пограничными зонами и нормативно закреплёнными социальными обязанностями. Следовательно, эпоха Крума представляет собой ключевой рубеж, на котором Болгария окончательно формируется как структурированный территориально-политический организм, сопоставимый по уровню организации с Византией и другими крупными державами региона.

3.5. Этнический состав Болгарии и политика интеграции

Болгарское государство эпохи Крума представляло собой типичное для раннесредневековых Балкан многоэтническое образование. Его население включало протоболгар тюркского происхождения, многочисленные славянские племена, а также остатки фракийского субстрата, греков и отдельных аварских групп. Как подчёркивается в болгарской и российской историографии, именно многоэтничность и необходимость выработки устойчивого баланса между военной протоболгарской элитой и славянским большинством во многом определяли специфику болгарской государственности IX века [Златарски, 1970, с. 319—320; Ostrogorsky, 1969, с. 213—215].

Для обеспечения внутренней стабильности правящая элита проводила последовательную политику этнополитической интеграции. Протоболгары сохраняли доминирующее положение в военной и административной иерархии, однако славянские общины постепенно вовлекались в систему

управления и вооружённые силы. Этот процесс отражал переход от племенной конфедерации к более сложной раннегосударственной структуре, в которой принадлежность к политическому организму начинала играть большую роль, чем этническое происхождение.

Особенно интенсивные интеграционные процессы фиксируются в районах с высокой плотностью населения — прежде всего в долинах Дуная и Марицы. В этих зонах формировались смешанные поселения и общины, где элементы протоболгарской военной традиции сочетались со славянскими формами общинного самоуправления и заимствованными византийскими административными практиками. По наблюдению А. Рона-Таша, именно такие гибридные структуры обеспечивали устойчивость власти на местах и способствовали постепенному формированию надэтнической политической идентичности [Róna-Tas, 2000, p. 11].

На локальном уровне складывались формы совместного управления, в которых представители разных этнических групп участвовали в принятии решений. Это снижало риск открытых конфликтов и создавало основу для трансформации этнической мозаики в более целостное политическое сообщество. В результате этничность постепенно утрачивает статус основного маркера социальной принадлежности, уступая место лояльности к Болгарскому царству как единому политическому пространству.

Таким образом, анализ этнической структуры и интеграционной политики Болгарии времён Крума показывает, что многоэтничность не являлась фактором дестабилизации. Напротив, сочетание протоболгарской военной организации, славянских общинных традиций и византийских административных элементов создало фундамент устойчивого политического организма, способного противостоять как внешнему давлению, так и внутренним кризисам [Златарски, 1970, с. 319—320; Ostrogorsky, 1969, с. 213—215; Róna-Tas, 2000, p. 11; Ahmetbeyoğlu, 2021]. В историографии всё чаще подчёркивается, что именно в IX веке закладывается модель «надэтнического» болгарского государства, предвосхищающая процессы формирования многонациональных монархий средневековой Европы.

3.6. Славянизация и христианизация: идеологическая трансформация

Оставаясь язычником, Крум осознавал значение идеологического и культурного единства для устойчивости власти. Процессы славянизации в этот период носили постепенный и во многом осознанный политический характер. Они выражались в учёте языка, обычаев и социальной структуры славянского населения, официальном использовании славянской речи

на локальном уровне управления, расширении участия славян в военной службе и продвижении представителей славянской знати в административный аппарат.

К концу правления Крума славяне перестают восприниматься исключительно как подчинённая масса и всё в большей степени рассматриваются как одна из опор государственности, вовлечённая в функционирование её ключевых институтов. По наблюдению В. Н. Златарского, именно в этот период складываются основы нового политического союза между болгарской правящей элитой и славянским большинством населения, что выразилось в перераспределении административных функций и расширении социальной базы власти [Златарски, 1970]. В данном контексте славянизация выступала не только как культурно-языковой процесс, но и как инструмент легитимации ханской власти.

Христианизация в эпоху Крума ещё не приобрела официального характера, однако её предпосылки уже были очевидны. В болгарском обществе присутствовали византийские пленники — монахи, епископы и миссионеры, способствовавшие распространению христианских представлений. В пограничных с Византией районах, особенно на юге и юго-западе Болгарии, фиксируются локальные очаги христианского влияния, затрагивавшие как население, так и представителей элиты.

Эти процессы получают институциональное завершение при князе Борисе I, однако их политическая и идеологическая основа была заложена именно в эпоху Крума. Военные успехи, правовые реформы и централизация власти создали образ сильного и структурированного государства, способного интегрировать новую религиозную систему без утраты политической устойчивости. Тем самым славянизация и ранние формы христианизации следует рассматривать как элементы единой трансформации, направленной на формирование надплеменной болгарской идентичности и включение Болгарского царства в общеевропейское христианское пространство.

Хазарский каганат, как восточный сосед Болгарии и один из ключевых геополитических акторов степной зоны, демонстрирует, каким образом религиозная политика могла использоваться в качестве инструмента внешней репрезентации и внутренней легитимации. По наблюдению Д. Данлопа, хазарская элита формировала сложную модель политико-религиозной идентичности, сочетающую различные конфессиональные элементы, что позволяло каганату маневрировать между христианским и мусульманским мирами. В этом контексте особое значение имела сеть опорных пунктов и коммуникационных узлов, включая крепость Саркел на Дону, заложенную

в середине IX века и выполнявшую функции контроля над стратегическим направлением и торговыми потоками [Dunlop, 1954, с. 113—114]. Хотя Болгария и Хазария развивались в различных конфессиональных траекториях, само существование рядом государства с выраженной моделью «сакрализованной» власти усиливало актуальность для Болгарии выработки собственной идеологической рамки, способной повышать внутреннюю сплочённость и укреплять престиж правящей власти. В этом смысле внешнеполитическое соперничество и контактность степного пространства косвенно стимулировали поиск Болгарией механизмов религиозно-символической унификации, что впоследствии облегчило институционализацию христианства при князе Борисе I.

3.7. Природа болгаро-славянского союза: между равенством и доминированием

Взаимодействие болгар и славян в период становления Первого Болгарского царства в историографии трактуется неоднозначно. Условно можно выделить два полюса интерпретаций, различия между которыми прослеживаются в западноевропейской, болгарской и российской научных традициях.

Согласно первой позиции, болгаро-славянский союз на раннем этапе носил относительно договорный и частично равноправный характер. В пользу этого подхода приводятся аргументы о сохранении славянскими племенами заметной автономии, собственных форм управления и участия племенных элит в региональной политике. Подчёркивается, что в VII—VIII веках болгарская власть располагала ограниченными ресурсами для прямого подчинения многочисленного славянского населения и поэтому опиралась на гибкие политико-этнические механизмы, допускавшие договорные отношения с местными структурами. Косвенными индикаторами такой модели выступают устойчивость славянской топонимики, упоминания славянских вождей в нарративных источниках и данные о значимой роли славянских контингентов в обороне приграничья [Róna-Tas, 2000, p. 11].

Противоположный исследовательский полюс акцентирует структурное доминирование протоболгар, прежде всего правящего тюркского военного слоя. В рамках этой интерпретации славянский компонент рассматривается как преимущественно подчинённый, хотя и функционально важный: славяне включались в военную организацию и административные практики, но при сохранении контролирующей роли протоболгарской элиты. Дж. Острогорский, отмечая более централизованный характер болгарской организации, подчеркивает, что именно протоболгары задавали институ-

циональные параметры власти и навязывали политико-административную модель, внутри которой славяне играли значимую, но вторичную роль [Ostrogorsky, 1969, с. 213—215].

Болгарская медиевистика (В. Н. Златарский и последующие авторы) чаще занимает промежуточную позицию: признавая стартовое доминирование протоболгарской верхушки, она одновременно подчеркивает, что долгосрочная устойчивость государства стала возможной лишь при постепенном включении славянской знати в управление и при формировании общих политико-идеологических ориентиров. В такой логике болгаро-славянский союз выступает не статичной моделью «равенства» или «подчинения», а динамичным процессом, где соотношение доминирования и партнерства менялось под влиянием военной обстановки, внутрдинастической борьбы и давления внешних сил — прежде всего Византии и Хазарии [Златарски, 1970; Róna-Tas, 2000, p. 1—22].

Для Византии союз болгар и славян представлял одновременно угрозу и объект политического воздействия. Он воспринимался как прагматическая, но потенциально нестабильная конструкция, подверженная внутренним трениям и внешнему вмешательству. Именно поэтому византийская политика нередко стремилась использовать противоречия между болгарской элитой и славянскими группами, что дополнительно подчёркивает многослойность и изменчивость данного союза.

Таким образом, сопоставление процессов славянизации и ранних форм христианизации с эволюцией болгаро-славянского союза показывает, что идеологическая трансформация Болгарского царства определялась не только внешним воздействием Византии, но и внутренней потребностью в устойчивой модели многоэтничной государственности. Славянизация расширяла социальную базу власти, превращая славянское большинство в активного участника политико-военных институтов, тогда как постепенное усиление христианского влияния открывало дополнительные ресурсы символической легитимации и включения в общехристианское пространство. В совокупности это позволяет интерпретировать эпоху Крума и его преемников как этап идеологической перестройки, в ходе которой военно-племенная конструкция протоболгарской власти эволюционировала в более сложную раннесредневековую государственную систему с надэтнической политической идентичностью.

4. Заключение = Conclusions

История Первого Болгарского царства представляет собой один из ключевых примеров этнополитической трансформации Юго-Восточной

Европы раннего Средневековья, в рамках которой кочевая традиция власти была перенесена и адаптирована к иным геополитическим, демографическим и культурным условиям. Прослеженный в настоящем исследовании путь — от миграции группы Аспаруха к дунайскому рубежу до военно-политической консолидации и институциональных реформ эпохи Крума — позволяет утверждать, что Болгария развивалась не как периферийное образование византийского мира, а как самостоятельный и устойчивый субъект региональной политики, оказывавший долговременное структурное воздействие на баланс сил на Балканах.

Проведённый анализ показывает, что раннеболгарская государственность формировалась как многоуровневая этнополитическая система, в которой взаимодействие протоболгарской военно-политической элиты и славянского большинства определяло характер власти, механизмы интеграции и степень устойчивости политического организма. В этой связи процессы славянизации и последующей христианизации не могут быть интерпретированы как утрата или «растворение» болгарской идентичности. Напротив, они выступали формой её трансформации, в ходе которой складывалась новая надэтническая политическая общность, основанная на лояльности государству, включённости в его институциональные структуры и признании центральной власти как арбитра межэтнических и социально-политических отношений.

Сопоставление данных византийских и восточных нарративных источников с результатами современной болгарской, российской и западноевропейской историографии позволяет уточнить место Болгарии в системе международных отношений раннего Средневековья. Болгарское царство выступало не только как военная сила, но и как политический актор, активно использовавший дипломатические инструменты, договорную практику и правовые механизмы для закрепления своего статуса. В этом контексте внутренняя нестабильность VII—VIII веков предстает не как признак слабости, а как фаза институционального созревания, в ходе которой вырабатывались формы управления, обеспечившие последующую централизацию и подъём государства.

Научная новизна работы заключается в концептуальном смещении исследовательского фокуса с описания отдельных военно-политических событий на анализ этнополитических механизмов формирования болгарской государственности. Первое Болгарское царство рассматривается как результат длительного процесса трансформации многоэтничного союза в устойчивое территориально-политическое образование, в котором тюркская правящая традиция не исчезла, а была адаптирована к балканскому

пространству и встроена в региональную систему власти. Уточняется роль болгаро-славянского взаимодействия в формировании надэтнической идентичности и показывается, что идеологические сдвиги, включая предпосылки христианизации, являлись не только следствием внешнего византийского влияния, но и инструментом внутренней консолидации и легитимации власти.

Полученные выводы позволяют рассматривать Первое Болгарское царство как одну из наиболее успешных моделей синтеза степной политической традиции и балканской государственности в раннесредневековой Европе. Тем самым болгарский опыт демонстрирует универсальный механизм этнополитической адаптации кочевых элит в условиях перехода к территориально организованным формам власти, что придаёт исследованию более широкий сравнительно-исторический и теоретический потенциал.

Перспективы дальнейшего изучения данной проблематики связаны с расширением источниковедческого анализа за счёт привлечения эпиграфических и археологических комплексов, а также с применением сравнительных и цифровых методов, включая ГИС-реконструкции миграционных траекторий и этнополитических границ VII—X веков. Такой подход позволит углубить понимание механизмов формирования раннесредневековых государств и уточнить место Болгарии в истории политических трансформаций Евразии.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.
--

Источники и принятые сокращения

1. Michel le Syrien — *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166-1199)* / trad. J.-B. Chabot. — Paris : Ernest Leroux, 1901. — Т. II. — 529 p.
2. Nikephoros — *Short History* / ed. and transl. by C. Mango. — Washington, D.C. : Dumbarton Oaks Research Library and Collection, 1990. — 264 p.
3. Theophanes Confessor — *Chronographia* / ed. and transl. by C. Mango, R. Scott. — Oxford : Clarendon Press, 1997. — 754 p.

Литература

1. Андреев Й. Българските ханове и царе (VII—XIV век) / Й. Андреев. — София : Изд-во на БАН, 1988. — 214 с.
2. Ангелов Д. Образуване на българската народност / Д. Ангелов. — София : Наука и изкуство, 1971. — 415 с.
3. Златарски В. История на българската държава през средните векове / В. Златарски. — София : Наука и изкуство, 1970. — Т. 1. — 681 с.

4. *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия в XI—XII вв. / Г. Г. Литаврин. — Москва : Издательство АН СССР, 1960. — 472 с.
5. *Ahmetbeyoğlu A.* Bulgar hakanlar listesi / A. Ahmetbeyoğlu // *Tarih Enstitüsü Dergisi*. — 1994. — № 14. — Pp. 1—8.
6. *Ahmetbeyoğlu A.* Kubrat Han ve Büyük Bulgar Devleti'nin kuruluşu / A. Ahmetbeyoğlu // *Karadeniz Araştırmaları*. — 2007. — № 13. — Pp. 35—42.
7. *Ahmetbeyoğlu A.* 718—803 yılları arasında Tuna Bulgar Devleti / A. Ahmetbeyoğlu // *ETÜT Dergisi*. — 2021. — № 8. — Pp. 45—59.
8. *Dunlop D. M.* The History of the Jewish Khazars / D. M. Dunlop. — Princeton : Princeton University Press, 1954. — 293 p.
9. *Karatay O.* Türklerin kökeni / O. Karatay. — Ankara : Kripto Yayınları, 2013. — 480 p.
10. *Ostrogorsky G.* History of the Byzantine State / G. Ostrogorsky. — New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press, 1969. — 624 p.
11. *Róna-Tas A.* Where was Khuvrat's Bulgharia? / A. Róna-Tas // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. — 2000. — Vol. 53, No. 1/2. — Pp. 1—22.
12. *Runciman S.* A History of the First Bulgarian Empire / S. Runciman. — London : G. Bell & Sons, 1930. — 337 p.

Статья поступила в редакцию 20.06.2025,
одобрена после рецензирования 24.01.2026,
подготовлена к публикации 24.02.2026.

Material resources

- Michel le Syrien — *Chronique de Michel le Syrien, patriarche jacobite d'Antioche (1166-1199), II*. (1901). Paris: Ernest Leroux. 529 p.
- Nikephoros — *Short History*. (1990). Washington, D.C.: Dumbarton Oaks Research Library and Collection. 264 p.
- Theophanes, the Confessor — *Chronographia*. (1997). Oxford: Clarendon Press. 754 p.

References

- Ahmetbeyoğlu, A. (1994). Bulgar hakanlar listesi. *Tarih Enstitüsü Dergisi*, 14: 1—8. (In Turkish).
- Ahmetbeyoğlu, A. (2007). Kubrat Han ve Büyük Bulgar Devleti'nin kuruluşu. *Karadeniz Araştırmaları*, 13: 35—42. (In Turkish).
- Ahmetbeyoğlu, A. (2021). 718—803 yılları arasında Tuna Bulgar Devleti. *ETÜT Dergisi*, 8: 45—59. (In Turkish).
- Andreev, J. (1988). *Bulgarian Khan and Kings (VII—XIV century)*. Sofia: Publishing house on the BAN. 214 p. (In Russ.).
- Angelov, D. (1971). *Formation of the Bulgarian people*. Sofia: Science and Art. 415 p. (In Russ.).
- Dunlop, D. M. (1954). *The History of the Jewish Khazars*. Princeton: Princeton University Press. 293 p.
- Karatay, O. (2013). *Türklerin kökeni*. Ankara: Kripto Yayınları. 480 p. (In Turkish).

- Litavrin, G. G. (1960). *Bulgaria and Byzantium in XI—XII*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 472 p. (In Russ.).
- Ostrogorsky, G. (1969). *History of the Byzantine State*. History of the Byzantine State / G. Ostrogorsky. New Brunswick, N.J. : Rutgers University Press. 624 p.
- Róna-Tas, A. (2000). Where was Khuvrat's Bulgharia? *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, 53(1/2): 1—22.
- Runciman, S. (1930). *A History of the First Bulgarian Empire*. London: G. Bell & Sons. 337 p.
- Zlatarski, V. (1970). *History of the Bulgarian state in the Middle Ages, I*. Sofia: Science and Art. 681 p. (In Russ.).

*The article was submitted 20.06.2025;
approved after reviewing 24.01.2026;
accepted for publication 24.02.2026.*